

«Да минует Меня Чаша сия...» Размышления в Страстную седмицу

Н.К. Рерих. Моление о Чаше. 1925

У многих из нас минувшая неделя прошла под знаком размышлений о последних днях земной жизни Христа, смерти на Кресте и победы вечной Жизни в Воскресении.

В разные годы разные грани смыслов открываются в эти священные дни, когда для искреннего сердца особенно широко распахиваются пространственные каналы в Истину. В этом году в сердце настойчиво стучалось Моление о Чаше в Гефсиманском саду в ту роковую ночь. «Да минует Меня Чаша сия... Да будет Воля Твоя». Загадочна Гефсиманская Молитва, в которой сокровенно сошлись противоположности: «Да минует...» и «Да будет...». Всплеск Зова, обращённого в жизнь, и как будто спад – суровая и мужественная готовность принять карму мира, судьбу текущего часа метаистории, очередного витка спирали Эволюции.

Что означает первый Зов Его Моления: «Да минует Меня Час сей»? – Слабость духа? Смятение? Боль? Страх? Отчаяние?.. Да и могла ли вообще миновать Его Чаша, переполненная ядом мира?!

Обычно по этому поводу со всех сторон слышится уверенное, не допускающее сомнений: «Для смерти – за нас, за наше спасение – пришёл Он на землю». Бойкий же знаток религиозно-философских текстов легко и быстро отвечает по-другому: «Конечно, Чаша смерти минует Его, ибо жизнь вечна, а дух, как известно, бессмертен».

Но размышляющий сегодня, в условиях тактики Адверза, кольцом, кажется совершенно безнадежно, обложившей каждого, задумается особенно глубоко. Если такой Дух, как Дух Христа мог в канун смертного часа воскликнуть: «Пронеси Чашу сию мимо

Меня», – не значит ли это, что из любой, самой безысходной, с точки зрения здравого смысла, ситуации существует возможность исхода в жизнь... Действительно, и наследие семьи Рерихов настойчиво и не раз повторяет: безвыходных ситуаций не бывает; выход есть всегда; всегда открыт путь – Наверх. Помните первую Запись в книге «Зов», сделанную в Лондоне 24 марта 1920 года.

«Воя Моя! Шумит жизнь – осторожнее!

Опасность! Душа шорох слышит.

...

Тяжко миру – спешите спастись.

...

Не уходите от жизни, ведите себя верхним путём».

И это – обращено не к избранным, а к каждому(!) путнику жизни.

Однако «узкие врата», ведущие в жизнь. И увидим ли мы эту Высшую возможность; и способны ли будем реализовать её – большой вопрос. А может быть, привычно допустим тяжелейшие катастрофические пути, до поры до времени, – до космических(!) сроков, – приспособляясь всё более и более к ухудшающимся условиям жизни / «прогибаясь под изменчивый мир».

Нет! Не может смириться сердце, что для смерти приходил этот Величайший Дух в мир. И даже не только для утверждения Жизни Вечной приходил Он, но и для преображения жизни земной, для возвышения и утончения сознания своих современников. Иначе к чему «здесь и сейчас» творил Он подвиг несения Учения Собою?!

В ту последнюю ночь в Гефсимании Он притягивал магнит Спасения от ещё одной Планетарной трагедии. Через Пространство Он призывал, Он обращался к глубинам сердец с молитвой – пока не поздно принять новый Духовный Завет: Любите друг друга! И это мы, люди, в путях своих несовершенств, в цепях слабостей, ослеплённые и оглушённые проглядели тогда самую Возможность Его Спасения, крича: «Распни, распни Его!». Проглядели пусть малую, пусть величиной с наночастицу, Пространственную щель, которая могла бы выправить / выпрямить / поднять / вознести ход Истории. Даже три Его ближайших ученика – будущие апостолы, позванные Им для совместного молитвенного бдения в Гефсиманской рощи,.. заснули.

Но на самом деле, не от слабости же Духовной воззвал Он: «Да минует Меня час сей». И уже не от Него, Христа, а от свободной воли человека, от нашей(!) свободной воли, зависело тогда принять или отринуть разлитую в пространстве глухой иерусалимской ночи Возможность Верхнего пути: Его жизни и нашего спасения. А потом нам же в течение двух тяжелейших тысячелетий Кали-юги стало суждено изживать последствия своего жестокосердия.

И если вторая часть Молитвы – «Но не чего Я хочу, а чего Ты!» – приближала сознание Христа к Воссоединению с Отцом Его Небесным, умеряла Его слишком

сильные переживания, то, – «Пронеси Чашу сию мимо Меня», – было напрямую обращено к живым, и ныне живущим.

Но были ли в истории России ситуации, когда «у бездны на краю» её лучшие умы улавливали спасительные верхние пути? Да, были.

Великий Кутузов, сдав Москву Наполеону, повёл усталое опустошённое войско через земли Оптиной пустыни и, напитав солдатские души энергетикой намоленных русских земель, развернул их к Победе. В годы Великой Отечественной войны XX века под Москвой и в Ленинграде, на Мамаевом кургане и на Курской дуге маршалы Победы зорко замечали в пространстве бездны Беды и всенародного Горя, казалось, еле заметно мерцающие Возможности Победы. Улавливали и проявляли их в ярых Огнях грандиозных сражений.

О Рерихе в Москве летом 1926 года... Как будто ничтожно мала была возможность избежать застенок ЧК, – «смертельной опасности», нависшей над ними, – так говорил Учитель. Но они сумели принять Высшую Помощь. Наконец, как высоко оценивал Учитель самоотверженное молитвенное единение членов Латвийского Рериховского общества, позволившее им в 1930-е годы уверенно пройти Поверх расставленных судом Риги сетей и ловушек. Но мы, сегодняшние, ответим себе честно, – часто ли на трагических изломах событий находим Заветный, Верхний путь, чтобы именно по Нему, то есть по Плану Великих Учителей, вести наш земной корабль.

Так в дни Страстной недели в двух стоящих рядом и как будто таких знакомых восклицаниях «Борения в Гефсимании» сошлись и стали родственными противоположности: «Любовь Наверх и сострадание вниз».

О.А. Уроженко.